

Они стояли слишком близко.

В упор. При таком расстоянии выстрел не оставлял шансов — тут и божье вмешательство не спасло бы человеческую жизнь.

Но пуля лишь чиркнула по касательной. Смит отделался легкой царапиной.

С трудом поднявшись на ноги, он посмотрел на Ван Цзиншаня и с сожалением покачал головой:

— А ведь я, офицер Ван, искренне считал вас другом.

— Быть не может!

Цзиншань не верил своим глазам. Смит стоял перед ним живой и невредимый. Стиснув рукоять револьвера, полицейский уже собирался снова спустить курок, как вдруг какая-то неведомая сила с бешеной мощью потянула оружие из его рук.

Рывок был такой силы, что сустав едва не вылетел из сумки. Противостоять этой тяге человеку было не под силу.

И все же в последнее мгновение, когда рукоять уже выскальзывала из пальцев, Цзиншань успел нажать на спуск.

Грохнул выстрел.

Пуля пробила левое бедро Смита, и из раны хлынула темная кровь.

— Вы совершили огромную глупость, офицер, — лицо профессора исказилось от невыносимой боли.

С трудом удерживая равновесие, он выхватил из кармана изящный компактный пистолет и нажал на спуск. Но вместо пули из короткого дула вылетел медицинский шприц-ампула.

Цзиншань среагировал мгновенно — уклонился, рванувшись в сторону. На ходу он ухитрился перехватить упавшую на пол ампулу и бросил на нее быстрый взгляд.

— Что за дрянь ты хотел мне вколоть?

Смит, разумеется, промолчал.

Шум борьбы растревожил чудовище в резервуаре. Поняв, что Цзиншань в опасности, существо принялось неистово молотить щупальцами по стеклу.

— Твою мать! Да уймись ты наконец! — рывкнул в сторону аквариума взбешенный Смит.

Гигантские присоски на секунду замерли, но затем удары возобновились с еще большей яростью. Стены лаборатории мелко задрожали.

Оставшись без оружия, Цзиншань не растерялся. В полицейской академии по рукопашному бою у него всегда был высший балл. Зарывчав, он бросился на Смита с голыми кулаками.

Профессор не ожидал, что этот азиат окажется настолько живучим и опасным. Пытаясь спастись, он попятился, одновременно лихорадочно нащупывая в кармане пульт. Один щелчок — и из вентиляционных решеток по периметру лаборатории повалил густой молочно-белый туман.

Смертоносная завеса расползалась с чудовищной скоростью. Спустя пару секунд видимость упала до абсолютного нуля.

Точно такой же туман накрыл город в ту проклятую ночь!

Глаза Цзиншаня налились кровью. Он метался в белой пелене, крича во весь голос:

— Это твоих рук дело, ублюдок?! Что ты сделал с Майлкеном?! Отвечай!..

Договорить он не успел. Горло словно перехватила невидимая ледяная удавка. Воздух кончился. В следующую секунду сознание погасло, и полицейский рухнул на холодный пол.

— Спите, бедный офицер Ван, — Смит бросил на распростертое тело короткий жалостливый взгляд и перевел взор на резервуар.

Туман постепенно рассеивался. Сквозь редющую дымку профессор отчетливо разглядел, как по сверхпрочному бронированному стеклу расползается паутина трещин.

Его догадка подтвердилась. Офицер Ван был для этой твари чем-то куда более важным, чем просто добычей.

— Можешь и дальше крушить тут всё, — Смит отступил за бронированную гермодверь и пренебрежительно пожал плечами. — Только учти: когда стекло лопнет и вода хлынет наружу, твой ненаглядный человечиска просто утонет. Я ведь знаю, что ты меня прекрасно понимаешь.

Щупальца замерли. Спустя мгновение гигантский силуэт бесшумно скользнул в глубину резервуара, подальше от треснувшей стены.

Голова раскалывалась так, словно ее засунули в промышленный шредер.

Цзиншань с трудом разлепил веки. В горле пересохло, губы потрескались и кровоточили.

— Воды... пить... — прохрипел он, едва шевеля языком.

В ту же секунду на дне резервуара раздался глухой стук. Спрут забил щупальцами по бетону, пытаясь привлечь к себе внимание.

Смит, наблюдавший за камерами в аппаратной, довольно прищурился. Всё шло строго по его сценарию. Офицер Ван оказался идеальной наживкой — редчайший, бесценный экземпляр для его экспериментов. Оставлять его умирать от жажды в планы профессора не входило.

Через пару минут тяжелая дверь глухо ухнула, и в помещение вошел сотрудник в тяжелом костюме химзащиты. Он молча поставил на пол металлический поднос с едой и бутылкой воды. Цзиншань сверлил его тяжелым, волчьим взглядом, но наброситься сил не было — тело не слушалось.

Когда конвоир ушел, Цзиншань посмотрел на поднос. Там лежал сэндвич с яичницей. Немного поколебавшись, он со стоном поднялся и, сильно прихрамывая, подошел к еде.

Логика была простой: если бы Смит хотел его отравить, то не стал бы разыгрывать этот фарс с пленением. Значит, он еще нужен живым.

Жадно осушив бутылку, Цзиншань в несколько укусов уничтожил сэндвич. Еда вернула мыслям былую ясность, а в мышцы понемногу потекло тепло.

Подойдя к треснувшему стеклу, он заглянул в мутную глубину. Спрут неподвижно висел в воде, наблюдая за ним огромным немигающим глазом.

При всей своей пугающей, хтонической мощи это существо сейчас казалось Цзиншаню... ребенком. Абсолютно чистым, наивным созданием, лишенным человеческой злобы. Разум у него определенно был, но очень своеобразный. Иначе как бы столь грозный глубоководный левиафан позволил этим тварям запереть себя в банке?

И в этот момент, встретившись с ним взглядом, Цзиншань принял решение. Он вытащит его отсюда.

Даже если забыть об эмоциях — профессиональный долг офицера полиции обязывал его пресечь эти незаконные эксперименты на территории империи Ангра. Но план побега нужно продумать до мелочей. Оружие и рацию у него отобрали. Перед уходом он оставил Брайану записку, что уехал со Смитом, но про искусственный остров там не было ни слова. Шансы, что полиция выйдет на этот след, стремились к нулю. Придется действовать самому.

Раздался тихий, едва различимый шорох в голове. Будто сквозь помехи прорезался знакомый голос.

"Ты... как?.. Всё... хорошо?.."

Цзиншань покосился на камеру под потолком и едва заметно шевельнул губами:

— Нормально. Бывало и хуже.

А про себя подумал:

«Какое там к черту хорошо. Сидим в одной клетке, как два дурака».

"Долго... не... виделись..." — вновь зашелестело в мыслях.

— Да ладно тебе, всего пара дней прошла, — прошептал Цзиншань, опускаясь на пол у самого стекла.

"Мне... казалось... прошла... вечность..."

Цзиншань грустно усмехнулся, глядя на колышущиеся в воде щупальца.

— Наверное, у тебя просто свое восприятие времени. Не такое, как у нас.

"Да..."

У людей впереди были десятилетия. У его же расы весь жизненный цикл укладывался в пять-шесть лет. Для него эти несколько дней разлуки действительно были равны годам.

Он безумно скучал по своему человеку.

"Я... скучал..."

Цзиншань невольно хмыкнул.

— Надо же, подцепил где-то словечко. Умеешь ты лапшу на уши вешать, приятель.

Он осекся, почувствовав, как к щекам приливает жар.

«Стоп. Какую лапшу? Кому вешать? Кажется, лапша тут я сам».

Этому слову его научил Грей. Несмотря на колоссальный интеллект, Носку потребовалось почти сорок секунд напряженной работы нейронов, чтобы осознать глубинный смысл понятия «соскучиться». Его расе не хватало не ума — им не хватало способности чувствовать так, как чувствуют люди.

Но рядом с этим человеком всё менялось. От него исходило странное, непривычное тепло. Оно окутывало его разум, словно мягкое тропическое течение, убаюкивая измученное тело. Последний раз Носк чувствовал нечто подобное лишь в бездонных, безопасных глубинах материнского лона.

Внезапно динамик под потолком ожил, плюнув в тишину резким статическим треском.

— Офицер Ван, нам нужно поговорить.

Заглотнул наживку. Цзиншань даже бровью не повел, сохраняя ледяное спокойствие.

— Нам не о чем разговаривать, Смит.

— И все же я настаиваю. Поверьте, у меня нет к вам никакой вражды.

Чтобы доказать свои «мирные намерения», Смит вскоре лично явился в лабораторию. Два дюжих охранника ввели его на инвалидной коляске. Впрочем, рисковать профессор не стал — руки и ноги Цзиншаня перед этим намертво стянули ремнями.

— Ты ведь знаешь, что это за тварь? — Смит указал кивком на резервуар.

Цзиншань презрительно отвернулся.

— Понятия не имею.

— Не лгите мне, Ван. Я видел по камерам, как вы общаетесь, — глаза Смита лихорадочно блестели. — Разумное головоногое, способное идти на контакт с человеком без всяких приборов... Это же чистой воды чудо! Научный прорыв века!

— Сначала ответь на мой вопрос, — оборвал его Цзиншань, косясь на притихшего Носка. — Как

ты его поймал?

— О, я обязательно вам всё расскажу. Офицер Ван, мы ведь с вами близкие друзья, у меня нет от вас секретов.

От этого приторного слова «друзья» Цзиншаня чуть не вывернуло наизнанку.

— Кончай пить мне уши, Смит. Ближе к делу.

Профессор снял очки и неторопливо протер линзы бархоткой. Плед, брошенный на его колени, слегка съехал, обнажив левую ногу в массивном гипсовом сапоге. Очевидно, кость была раздроблена всерьез.

Водрузив очки обратно на переносицу, Смит преобразился. Из безумного вивисектора он вновь превратился в уважаемого кабинетного ученого.

— Как известно, обычные осьминоги живут недолго — от силы пять-шесть лет. Как думаете, сколько лет этому экземпляру? Ему уже шесть. Он глубокий старик, чей жизненный путь подходит к логическому завершению. А поймал я его без малейшего труда по одной простой причине. Он сам искал смерти. Он просто не хотел жить.

Цзиншань гневно прищурился.

— Ты и сейчас продолжаешь держать меня за идиота? Смит, эта чушь не выдерживает никакой критики.

Полицейский был уверен, что за этим «добровольным пленением» скрывается какая-то запредельная жестокость, которую ученый пытается завуалировать.

— Никакой чуши, чистая наука, — Смит снисходительно улыбнулся. — Хотя я признаю, что никогда раньше не сталкивался с подобным видом... К слову, я назвал его Носком. Так вот, анализ ДНК показал, что его генетический код принципиально не отличается от обычных головоногих. А это значит, что в его организм встроена та же эволюционная бомба замедленного действия. Спаривание — и запуск необратимого процесса старения. Гормональный взрыв в зрительной железе буквально запускает программу самоликвидации. Когда мы нашли Носка, он уже прошел период гона. Проще говоря, он уже спарился. С кем-то... или с чем-то.

Цзиншань застыл, ошарашенно уставившись на стекло.

В памяти мгновенно всплыла их последняя встреча на острове, когда этот гигантский спрут пытался затопить его под воду. Неужели после неудачи он нашел себе другую пару среди морских глубин? Или...

— Ни один ученый в мире не упустил бы возможность исследовать такое чудо, — продолжал Смит, не замечая состояния собеседника. — Но я хочу не просто препарировать его. Я хочу подарить ему жизнь. Через пару дней мы с ассистентами проведем тончайшую операцию — удалим зрительную железу, заблокировав выработку убийственных стероидов. Это продлит его существование на годы. Как только все закончится и я завершу свои изыскания, вы оба будете свободны. Обещаю.

Цзиншань молча переводил взгляд со Смита на затихшего Носка.

В биологии он не смыслил ровным счетом ничего, и крыть эти научные выкладки ему было нечем. Приходилось принимать слова профессора на веру.

Однако годы работы в уголовном розыске научили его главному — подмечать детали.

Цзиншань зацепился взглядом за тонкую цепочку, уходящую под воротник рубашки Смита. Там, в ложбинке между ключицами, тускло поблескивал маленький серебряный крестик.

Полицейский усмехнулся и тихо, словно рассуждая о погоде, спросил:

— Профессор, а вы, часом, не атеист?

<http://bllate.org/book/20372/2122343>